

ТОВАРИЩИ.

НАРОДНАЯ СКАЗКА.

I.

уляль Веселый по селамъ, пѣсни пѣлъ, міръ честной потѣшалъ. И что бы гдѣ ни потерялось, все на него говорятъ, а онъ и сномъ не знаетъ. Стало ему за досаду, взялъ онъ свою скрипку и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Попадаетъ ему встрѣчу волкъ.

— Куда, братъ, Веселый, идешь?

— А куда глаза глядятъ.

— Возьми, братъ, меня въ товарищи. Гдѣ бы тамъ овечка потеряется, либо украдетъ кто, все на волка: волкъ задавилъ! А я и сномъ не знаю.

И пошли въ товарищахъ: волкъ да Веселый.

Попадается имъ медвѣдь.
— Куда, братцы, пошли?
— Куда глаза глядять.
— Чего такъ?
— Да такъ ужъ: чего ни потеряется, все на насъ валять.
— Ну, возьмите и меня съ собой, и про меня тоже: скотина гдѣ пропадетъ,— медвѣдь задавилъ. А я и сномъ не знаю.

И пошли въ товарищахъ троє: медвѣдь, волкъ да Веселый.
Веселый въ скрипку играетъ, медвѣдь лапу сосеть, волкъ зубы скалить—весело!

Шли они, такъ шли, подходятъ къ озеринѣ.
И стояли тамъ мужики: съ толокномъ ёдутъ.
Испугались мужики, а кони пуще, и такое поднялось, что буря,
да кто куда, а воза—въ озерину.

2.

Посылаетъ Веселый медвѣдя съ волкомъ хмѣль таскать въ озерину, дѣлать пиво. Живо натаскали товарищи хмѣлю и пиво готово. Тутъ Веселый поставилъ избушку окнами къ озеринѣ, сдѣлалъ мѣру—пиво у нихъ чтобы не убывало. И стали жить, поживать дружно.

Жили хорошо, дружно: ни волкъ медвѣдя, ни медвѣдь волка не задирали, ну, а Веселый—со всѣми ладилъ.

И былъ у нихъ зарокъ положенъ: пива пока что не трогать, пускай понастится,— клялся медвѣдь лапой, волкъ—зубомъ, Веселый—скрипкой.

А стало у нихъ пиво убывать.

Поглядять поутру по мѣрѣ—пива мало, въ озеринѣ убываетъ много.

Не знаютъ, на кого
и думать.

А я скажу: пронохала Яга-баба, что у товарищей пива—озерина, и повадилась ночью за пивомъ таскаться.

И положили товарищи караулъ держать.

Первая ночь волку досталась. Сталъ волкъ въ сторонку, навострилъ свой зубъ волчій — пиво караулить. И только что полночь настала, идетъ Яга-баба съ ведрами и прямо на волка.

— Ты куда?

— За пивомъ, тебѣ какое дѣло? — да ведра съ коромысломъ и давай волка лупить коромысломъ.

Волкъ ужъ и не помнитъ, какъ уползъ въ избушку.

А Яга-баба напилась пива, поддѣла полныя ведра и пошла себѣ, понесла домой пиво.

Товарищи поутру поднялись, а волкъ лежитъ.

— Эхъ, какъ нажрался пива-то, ни въ одномъ глазу!

— Айдайте-ка, сходите, узнайте, какъ пиво-то достается.

Едва отлежался волкъ — всѣ ребра ему Яга пересчитала — нѣтъ напрасно только погрѣшили, онъ и сномъ не знаетъ про пиво.

Другая ночь — медвѣдѣва. Сталъ медвѣдь на карауль. Опять въ полночь приходитъ Яга-баба.

— Ты чего тутъ?

А Яга ведра съ плечъ, да за коромысло, да коромысломъ по медвѣдю.

И ужъ медвѣдь по волчьему слѣду еле живъ попалъ въ избушку.

Напилась Яга пива,
почерпнула полныя ведра
и пошла себѣ домой съ
пивомъ.

Поутру поднялись то-
варищи, а медвѣдь въ леж-
ку лежитъ.

— Эка, съ пива - то
что!

— Айдайте, сходите-
ка сами, узнайте, какъ до-
стается пиво-то.

Ужъ кое-какъ поднял-
ся медвѣдь — всѣ печенки
отбиты — нѣтъ, напрасно
только погрѣшили, онъ и
сномъ не знаетъ про пиво.

3.

Третья ночь — идетъ въ
караулъ Веселый. Онъ по-
шелъ со своей скрипкой,
сталъ къ соснѣ и ждетъ.
И ровно въ полночь подхо-
дитъ Яга-баба.

— Что ты, Веселый,
дѣлаешь?

— А въ скрипку иг-
раю.

Сбросила Яга ведра,
положила коромысло, слушала, слушала и давай уѣзживать, — такой
плясь подняла, что буря.

— А какъ бы мнѣ, Веселый, научиться въ скрипичку играть?

— Что жъ, только у тебя, Яга, пальцы больно толсты.

— А что надъ ними дѣлать?

— Потоньшѣе сдѣлать.

— А сдѣлай!

— Вонъ видишь пенёкъ, а въ пенѣкѣ-то клинъ, видишь: клинъ
вытащить, въ дыру-то пальцы заколотить, они и потоньшатся, можно
ими тогда и въ скрипку играть.

— Ладно.

Ну, ладно, такъ ладно. Пошли они къ пеньку, вытащили клинъ, затолкалъ туда Веселый Ягиные пальцы. Руки зажало у ней, тутъ онъ ее и кончилъ.

Вернулся Веселый въ избушку и рассказалъ товарищамъ, а тѣ свое, такъ все и открылось. И съ той поры стали они сами пиво пить, другъ на друга перестали коситься.

Алексѣй Ремизовъ.